

ЭТАЖИ

литературно-художественный журнал

№ 2

март 2016

Авторские этажи. Поэзия

Улья Нова
Дмитрий Артис
Александр Кабанов
Виктор Шендерович
Алексей Цветков
Леонид Аронзон
Ян Пробштейн

Авторские этажи. Проза

Анна Агнич
Алёна Жукова
Ольга Аникина
Илья Криштул
Дина Рубина

Литературная кухня

Воспоминания о поэте Леониде Аронзоне
автор – Виталий Аронзон

Каждый раз я был влюблён на всю жизнь

Денис Драгунский – разговор на кухне и в кабинете интервью Ирины Терры

Литературно-художественный журнал Этажи. №2. Март 2016

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18152012

ISBN 9785447468712

Аннотация

Журнал имеет электронную и печатную версии. Печатный вариант выходит с периодичностью три раза в год. В него отбираются лучшие публикации, размещенные в электронном журнале. Сайт журнала: www.etazhi-lit.ru Рукописи принимаются по эл. адресу: etazhi.red@yandex.ru

Содержание

Александр Кабанов	7
«Море волнуется раз, море волнуется два...»	7
«Летний домик, бережно увитый...»	9
«Речной бубенчик – день Татьянин...»	11
Исход москвичей	13
«Чтоб не свернулся в трубочку прибой —...»	15
«Я люблю – подальше от греха...»	17
Анна Агнич	18
Ночная почта	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Этажи

№2. Март 2016

Литературно-художественный журнал

© Литературно-художественный журнал, 2016

© Екатерина Стволова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Этажи»

№2 март 2016

Главный редактор – Ирина Терра

Редактор отдела поэзии – Игорь Джерри Курас

Редактор отдела прозы – Улья Нова

Редактор рубрики «Литературная кухня» —

Владимир Гандельсман

Редактор рубрики «Чердак художника» —

Таня Кноссен-Полищук

Экспертный совет редколлегии:

Вера Павлова

Дмитрий Воденников
Даниил Чкония
Женя Брейдо

Макет, оформление и вёрстка – **Екатерина Стволова**
Выпускающий редактор – **Мария Шандалова**

Иллюстрации:

обложка журнала, стр. 4, 109 **Таня Кноссен-Полищук**
стр. 18 **Анна Агнич**
стр. 52 **Юлия Беломлинская**
стр. 63 **Римма Мустафина**
стр. 88 **Виктория Романова**

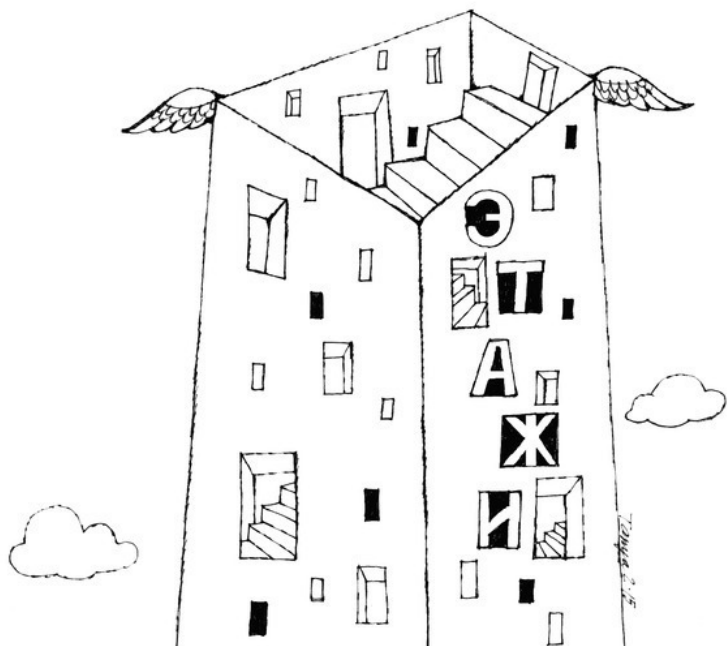
Фотографии:

стр. 129 – 134 **Б. Ю. Позизовский**
стр. 140 **Самарий Гуарий**
стр. 137, 145 **Анна Артемьева**

Сайт журнала: www.etazhi-lit.ru
Эл. адрес: etazhi.red@yandex.ru

Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № **ФС 77 – 63655** от **10 ноября 2015**

© Редакция литературно-художественного журнала «Эта-
жи»

Александр Кабанов

«Море волнуется раз, море волнуется два...»

Море волнуется раз, море волнуется два,
ты замираешь на три где-то у моря внутри,
весь в паутине теней, водорослей, в дыму:
гжель – твоё тело, гжель – спишут под хохлому.

Чуешь ли ты меня, видишь ли ты меня,
знай: человек-амфибия просит ещё огня,
превозмогая соль, жабры свои садня,
наш человек-амфибия просит ещё огня.

Брось ему флягу с джином и подмешай «Tabasco»
в море, чтоб запотела у человека маска,
чтоб отвалился к бесу этот дефис амфибий,
брось ему амфибрахий и за свободу выпей.

Пусть он всплывет и выйдет на освященный берег,
был под водой – сангвиник, стал на земле – холерик,
больше ему не плавать морем в гламурных ластах,
больше ему не слушать марши на всё согласных.

«Летний домик, бережно увитый...»

Летний домик, бережно увитый
виноградным светом с головой,
это кто там, горем не убитый
и едва от радости живой?

Это я, поэт сорокалетний,
на веранду вышел покурить,
в первый день творенья и в последний
просто вышел, больше нечем крыть.

Нахожусь в конце повествованья,
на краю вселенского вранья,
«в чем секрет, в чем смысл существованья?» —
вам опасно спрашивать меня.

Все мы вышли из одной шинели
и расстались на одной шестой,
вас как будто в уши поимели,
оплодотворили глухотой.

Вот, представьте, то не ветер клонит,
не держава, не Виктор Гюго —
это ваш ребенок рядом тонет,
только вы не слышите его.

Истина расходится кругами,
и на берег, в свой родной аул,
выползает чудище с рогами —
это я. А мальчик утонул.

«Речной бубенчик – день Татьянин...»

Речной бубенчик – день Татьянин,
взойдя на пристань, у перил
бездомный инопланетянин
присел и трубку закурил.

А перед ним буксир-кукушка
на лед выпихивал буйки,
и пахла солнечная стружка
морозной свежестью реки.

И, восседая на обносках,
пришелец выдыхал псалмы:
«Пусть голова моя в присосках —
бояться нечего зимы...»

И было что-то в нем такое —
родная теплилась душа,
как если бы в одном флаконе —
смешать мессию и бомжа.

Брячай, пацанская гитара:
народу – в масть, ментам – назло,
и чуду, после «Аватара»,
нам удивляться западло.

Отечество, медвежий угол,
пристанище сановных рыл...
...он бластер сломанный баюкал
и снова трубочку курил.

Но будет всё – убийство брата,
блужданье в сумерках глухих,
любовь как подлость, как расплата,
любовь, и шансов никаких.

Исход москвичей

Вслед за Данте, по кругу МКАДа, отдав ключи —
от квартир и дач, от Кремля и от Мавзолея,
уходили в небо последние москвичи,
о своей прописке больше не сожалея.

Ибо каждому перед исходом был явлен сон —
золотой фонтан, поющий на русском и на иврите:
«Кто прописан в будущем, тот спасен,
забирайте детей своих и уходите...»

Шелестит, паспортами усеянная, тропа:
что осталось в городе одиночек?
Коммунальных стен яичная скорлупа
и свиные рыльца радиоточек.

Это вам Москва метала праздничную икру —
фонари слипались и лопались на ветру,
а теперь в конфорках горит украинский газ,
а теперь по Арбату гуляет чеченский спецназ.

Лишь таджики-дворники, апологеты лопат,
вспоминая хлопок, приветствуют снегопад.
Даже воздух переживает, что он — ничей:
не осталось в городе истинных москвичей.

Над кипящим МКАДом высится Алигьери Дант,
у него в одной руке белеет раскаленный гидрант,
свой народ ведет в пустынные облака,
и тебе лужковской кепкой машет издалека.

«Чтоб не свернулся в трубочку прибор —...»

Чтоб не свернулся в трубочку прибор —
его прижали по краям холмами,
и доски для виндсерфинга несут
перед собой, как древние скрижали.

Отряхивая водорослей прах,
не объясняй лингвистке из Можайска:
о чем щебечет Боженька в кустах —
плодись и размножайся.

Отведай виноградный эликсир,
который в здешних сумерках бухают,
и выбирай: «Рамштайн» или Шекспир —
сегодня отдыхают.

Еще бредет по набережной тролль
в турецких шортах, с черным ноутбуком,
уже введен санэпидемконтроль —
над солнцем и над звуком.

Не потому, что этот мир жесток
под небом из бесплатного вайфая:
Господь поет, как птица свой шесток —

людей не покидая.

«Я люблю – подальше от греха...»

Я люблю – подальше от греха,
я люблю – поближе вне закона;
тишина укуталась в меха —
в пыльные меха аккордеона.

За окном – рождественский хамсин:
снег пустыни, гиблый снег пустыни,
в лисьих шкурках мерзнет апельсин,
виноград сбегает по холстине.

То увянет, то растет тоска,
дозревает ягода-обида,
я люблю, но позади – Москва,
засыпает в поясе шахида.

Впереди – Варшава и Берлин,
варвары, скопцы и доходяги,
и курлычет журавлиный клин
в небесах из рисовой бумаги.

Мы – одни, и мы – запрещены,
смазанные кровью и виною,
все мы вышли – из одной войны,
и уйдем с последнею войною.

Анна Агнич

Ночная почта

1

Из окна спальни родителей, бывшей Оксаниной детской, виден угол необычного дома. Он построен в начале двадцатого века в стиле модерн, но в нем нет характерной для модерна томной изысканности. Дом со всех сторон облеплен чудищами, как если бы химеры вышли из ночных кошмаров и взгромоздились на карнизы и крышу.

Киевляне так его и зовут – «дом с химерами» и рассказывают о нем легенды. Будто бы жил в Киеве купец, и больше всего на свете он любил свою дочь. Девушка утонула в Днепре, а купец сошел с ума, на все деньги построил этот безумный дом и довольно скоро умер. По другой версии, утонула дочь архитектора. Он, как можно легко догадаться, сошел с ума, выстроил этот безумный дом и умер. Еще говорят, что все было проще: архитектор построил это здание, потому что владел цементным заводом и хотел продемонстрировать возможности нового материала – бетона.

Оксане нравится последняя версия, пусть не романтическая, зато без жертв. Она не любит жестоких историй, навер-

ное потому, что работает врачом и навидалась всякого. А может просто характер такой: спокойный и обыденный.

2

В тот вечер шел то ли дождь, то ли снег, светлые капли вы-растали на ободке фонаря и, срываясь, рисовали по темному фону яркие линии. Оксана, накинув плед, стояла на балконе, ждала Володю. Узнала его за три квартала: идет вразвалочку, будто асфальт под ногами качается как палуба. Всегда так ходил, еще в школе – только тогда он вел палкой по ограде ботанического сада, получалось громкое «тр-р-р». И ранец тогда носил – для спины лучше, а сейчас портфель, разду-тый, как кабан... по-латыни портфель и есть кабан, издали видно, какой тяжелый, что он там вечно таскает?

В сухом тепле комнаты Оксана встряхнула плед, улыбно-лась тому, как капли колко брызнули в лицо, поставила ско-вородку, внесла с балкона кастрюльку с компотом – Володин любимый, из дулек— сухих мелких груш.

Да где же он? Что так долго не идет? Выглянула на лест-ницу – пусто. С балкона тоже не видно. Выбежала на улицу, заглянула во двор, в ближние подворотни. Бегом вернулась – не пропустила ли звонок? Старалась не думать о плохом – не вышло, никогда не выходило: профессиональная аберра-ция, искажение восприятия, характерное для врачей.

Через час позвонили из милиции – сына задержали за ху-

лиганство. Володя потом рассказывал, смеясь:

– Представляешь, мам, иду себе, а навстречу девушка такая... в длинном пальто. Перед собой держит торт без крышки – знаешь, как выносят хлеб-соль? Никогда не видел, чтоб так торты носили по улицам. Подходит ближе, на креме надпись шоколадная «Сюрприз». Девушка смотрит мне в глаза, улыбается и – раз – вываливает торт на себя. Я стою... сюр какой-то! Кафка пополам с Аверченко. Дальше уже по Зоценко: выбегает милиционер из подворотни, за ним трое парней. Все трое – студенты юридического, и все видели, как я портфелем выбил торт у девушки из рук. Они, когда показания давали, краснели и в глаза не смотрели – это хорошо. Не безнадежны.

– В каком смысле – не безнадежны? – только и спросила Оксана.

– Ну, стыдно врать им, совесть не потеряли еще.

В тот раз обошлось, даже пятнадцати суток не сидел. В институт, правда, пришло письмо, вызывали к декану, но не выгнали пока. Сын говорил, волноваться просто смешно: не тридцатые же годы, а цивилизованный восемьдесят второй.

3

Через месяц на лестнице Володю остановили двое, загнали на чердак и сильно избили. Он перестал выходить из квар-

тиры один, его теперь всюду провожали друзья или Оксана. По Би-би-си передали, что в Киеве преследуют студента такого-то, редактора независимого журнала.

– Какого журнала, Володичка, что они плетут?

– Ну, мам... я тебе не говорил... понимаешь... мы его с первого курса делаем, почти год. Отличный был номер о «Солидарности»! Жаль, нельзя было тебе показать.

Ночные посиделки в доме стали тише. Раньше Оксана выходила к молодежи на кухню, прижимала палец к губам и закрывала дверь в прихожую: там стоял телефон, через него могли прослушивать квартиру. Теперь друзья сына сами закрывали дверь, а кто-то придумал нахлобучивать на телефон ушанку. Залихватский вид аппарата в шапке набекрень, с торчащими кроличьими ушами, смешил всех, кроме Оксаны.

Володя унес из дому большую часть бумаг и пишущую машинку, дал прочесть брошюру с советами, как вести себя при обыске, и попросил ничего не подписывать, никаких имен не называть, даже просто знакомых. Все будет хорошо, надо только правильно себя вести.

Боже мой... восемнадцать лет... он же ничего, совсем ничего не понимает! Там работают профессионалы, они умеют запугать, запутать, довести до срыва, чередуя страх и надежду. Если тебе несколько суток не давать спать, ты становишься другим человеком – и никто не знает, каким он окажется, тот другой человек, никто не может знать заранее. Можно

сломаться, и как потом мальчику, мужчине с этим жить? Вот мама в тридцать восьмом бросила все, уехала в село, пересидела, переждала... Сбежать из Киева подальше, скрыться, переждать – только бы уговорить Володю! Но сын смеялся, отшучивался. Ему сейчас было важно другое: чтобы не перестал выходить журнал.

Арестовали всю редакцию, всех четверых. Улики нашли в деревянном сарае Володиного школьного приятеля. Журнал перестал выходить.

4

Оксана осталась одна в старинной квартире с лепными потолками и окнами в ботанический сад. На потолке среди барочных завитушек жили ангелы: двое целых и одна сиротливая пятка. Тот, кому принадлежала пятка, обитал за фанерной перегородкой в Володиной комнате. Крылатые младенцы казались детьми, но на самом деле им было по сто с лишним лет – столько же, сколько дому. Одного из них мастер вылепил улыбающимся, с прижатым к губам пальцем – как напоминание не болтать лишнего.

С утра наваливалась усталость. Теперь Оксана ходила медленно, и молодые люди больше не пытались знакомиться с нею на улице. Иногда умолкала посреди разговора, стояла, будто спала с открытыми глазами. Приходила в себя, оглядывалась, вспоминая, зачем она здесь. Говорила себе: это все

бессонница, усталость, пройдет со временем. Вот только перед родителями пациентов неловко – Оксана работала участковым детским врачом.

По ночам жаловалась потолочным ангелам, только им, больше никому. Крылатые толстые дети глядели с потолка, и тот, что держал палец у губ, сочувственно улыбался.

5

В зал суда пустили только родственников, остальным не хватило мест. Когда открыли двери для публики, стулья были заняты чужими людьми. Оксана пришла с отцом, матери ничего не сказала – боялась за ее сердце. Друзья мерзли на улице, пили чай из термосов, ждали приговора. Володе присудили пять и три: пять лет лагерей и три года ссылки.

После суда пришлось сказать матери – тянуть было незачем, ее и так пугало, что внук долго не навещает. Оксана пришла к родителям в субботу утром, чтобы у матери было побольше времени до ночи. По ночам тяжелей всего, это она хорошо знала. Шла пешком, через Крещатик – сначала вниз, потом в горку, мимо дома с химерами – пугающего, неустойчивого на вид, выстроенного на таком крутом склоне, что с одной стороны было шесть этажей, а с другой три.

Отец выбивал ковры: выносил во двор, развешивал на перекладине и колотил деревянной гимнастической палкой. Хлипкую бамбуковую выбивалку он сегодня уже изломал.

Оксана накапала валерьянки в рюмку с водой, протянула матери. Та отвела ее руку:

– Говори, не тяни. Он жив?

Оксана оглянулась на отца. Тот стоял над свернутым ковром, по лбу катилась капля пота. Понятно – говорить придется самой.

Мать выслушала, глядя в стол. Помолчала. Сказала:

– Никогда не прощу вас, что не была на Володичкином суде. Как вы смели решать за меня? – и не поднимая глаз, прямо держа спину, ушла в спальню, тихо прикрыв за собою дверь.

Оксана осталась посреди комнаты с рюмкой валерьянки в руках. Протянула отцу:

– На, выпей.

– Нет. Вот моя валерьянка, – он потряс гимнастической палкой, взвалил на плечо пеструю скатку ковра и вышел во двор.

Оксана легла щекой на стол, на знакомую с детства вышитую скатерть, и стала считать размеренные удары палки, гулкие в колодце двора.

Сын присылал бодрые письма, похожие на те, что слал когда-то из пионерского лагеря. Писал, что ему повезло: он попал в уникальное место, в зону для политических. Люди

собрались интересные, есть писатели и публицисты, у них можно многому научиться. Для будущего журналиста всякий опыт полезен.

Оксана не спорила, знала: этот опыт не полезен никому.

Спустя год ее навестил товарищ сына по лагерю – украинский поэт, мягкий, уважительный человек. Только очень больной, он так и сказал: отпустили помереть на воле. Приходил еще с полгода, с каждым разом все труднее взбирался на высокий третий этаж. Однажды сказал, что пришел попрощаться: уезжает в родное село под Богуславом. В тот вечер Оксана оставила его ночевать.

Лежали, обнявшись, в темноте, за окном ветер стучал ветками мокрых деревьев. Оксана водила подушечкой пальца по дугам его седых бровей, гладила стриженую голову. Не плакала.

– Зачем ты уезжаешь?

– Там у меня есть мать. Я ж вполовину не так стар, как выгляжу.

– Оставайся. Здесь у тебя есть я.

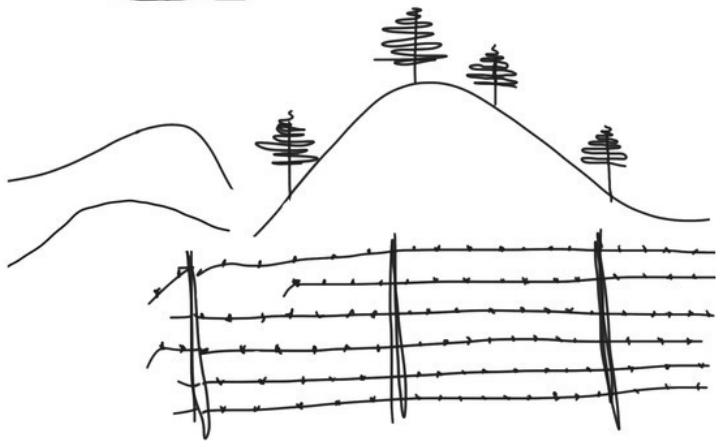
– Нет, зозулечко, ты может и есть, та меня уже нет.

Адреса он не оставил.

По ночам она слушала радио, хоть и глушили сильно. Сначала о Володе говорили почти каждую неделю, потом реже.

Потом снова чаще: стали читать его очерки, непонятно как переданные из лагеря. Оксана слушала тихо, не плакала, боялась пропустить слово. Плакала потом, когда кончалась передача.

По субботам готовила посылки для сына и тех, у кого не было родственников. В лагере разрешали получать одну посылку в два месяца – лишнее отсылали обратно. Не разрешали присылать мед и шоколад, а вот домашнее печенье пропускали любое. Знающие люди дали Оксане секретный рецепт сверхкалорийных коржиков, только просили чужим не рассказывать, чтоб не дошло до кого не надо. Пара таких печенюшек делала сытным лагерный тощий обед.

В ту субботу Оксана чувствовала себя неважно. Кажется, начинался грипп: болело над веками, ломило ноги. Собрала посылку, позвонила Володиному другу, попросила снести на почту, а он сказал, что на прошлой неделе уже носил.

– Совсем не соображаю, – расстроилась Оксана. – Может, все же кому-нибудь?..

– Нет, всем послали. Теперь уж только в ноябре.

Оксана легла спать, но мешочек с продуктами мучил ее: где-то люди голодные, а здесь, вот, лишняя посылка.

В ту ночь ей приснилось, будто она стоит на почте среди хмурых, бедно одетых людей. Очередь длинная, движется медленно. Сама она в бабушкином пальто, в хлопковых чулках, на голове вязаный серый платок. Пол цементный, по ногам дует, кошелка оттягивает руку. Догадалась поставить ее на усыпанный опилками пол и пинать ногой, когда двигалась очередь. Почтовая служащая глянула устало:

– Что это у вас? Порядков не знаете? Следующий! Проходите, гражданка, не задерживайте очередь.

Оксана отошла к темному окну, оперла кошелку на горячие ребра батареи и стала растерянно копать в содержимом. Лампочка в казенном жестяном раструбе светила тускло, глаза застили слезы. Силилась и не могла понять, что не так, что нужно делать. Под руку настойчиво лез одинокий шерстяной носок. Искала пару, не находила, искала снова, горло сжимало от бессилия. На плечо легла чья-то рука, мужской голос произнес:

– Не плачьте, не надо плакать. Дайте я помогу.

Пожилой человек в телогрейке отвел Оксану к фанерному столу. Он был невысок, ходил скособочившись, приседал на каждом шагу и приволакивал ногу. Выложил продукты на стол, перебрал, уместил в посылочный ящик. На дне кошелки нашел пару шерстяному носку. Ловко забил крышку гвоздями. На пальцах у него была татуировка, по букве на каждом – должно быть, имя. Оксана не могла разобрать, что там написано.

– Вот и все! Посидите-ка, я за вас в очереди постою. Не надо, не плачьте, все будет хорошо!

Почтовая служащая приняла посылку и уложила, как кирпич, в невысокую стену таких же ящиков. Адреса никто не писал, он чудесным образом появился сам: размашистый почерк, зеленые чернила. Фамилия чужая, обратный адрес тоже.

8

Проснулась Оксана с головной болью, но ощущение было хорошим: пусть во сне, а кому-то помогла. Ангелы с потолка смотрели одобритительно. Продуктов на подоконнике не было. Странно, никто не заходил, ключей она никому не давала, да и дверь на цепочке.

Спросонья почти поверила, что ночью отправила настоящую посылку: память о почте была удивительно ясной. По-

ставила кофе, сварила яйцо, разбила ложечкой скорлупу. Побежали трещинки. Сон перестал казаться реальностью.

– Да что это я? Сон себе и сон... А продукты исчезли – ну так я стала лунатиком, куда-то их занесла. Неприятно, но ничего, за пятнадцать лет врачом навидалась и не такого. Это нервы, просто надо меньше нервничать. Меньше нервничать – вот и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.